

Санкт-Петербургский государственный университет

Филологический факультет

XLV Международная филологическая конференция

Направление общего языкознания

СЕКЦИЯ ФОНОЛОГИИ

**Программа
и тезисы докладов**

18 марта 2016 г., пятница, 16:30

Филологический факультет СПбГУ,
Университетская наб., д. 11,
ауд. 184 (кафедра общего языкознания)

Санкт-Петербург, 2016

16:30 — Вадим Борисович Касевич

Логика фонологии

В докладе обсуждаются проблемы, давно известные в литературе и с точки зрения материала, и с точки зрения теоретических решений. Новое заключается в том, что предлагается обратить внимание на логическую природу данных решений. Рассматриваются две модельные ситуации: 1) фонологическая квалификация сонорных в языках типа русского с точки зрения признака звонкости/глухости (нейтральные, звонкие, незвонкие); 2) сегментация на базе морфологизованных чередований, ср. англ. *sing* ~ *sang* ~ *sung*, когда логически невозможно доказать, что здесь нет фонем типа *-ing* ~ *-ang* ~ *-ung*.

17:00 — Михаил Борисович Попов

Еще раз о критериях синтагматической идентификации фонемы

В докладе рассматриваются критерии определения моно- и бифонемного статуса звуковых сегментов, используемые в Щербовской фонологии. Критике подвергается установление фонемных границ с помощью морфологизованных чередований и «остаточной выделимости». Использование чередований и «остаточной выделимости» на этапе синтагматической идентификации фонемы связано с недостаточно чётким разграничением таких понятий фонологической теории, как синтагматическая идентификация фонемы, автономность и реальность фонемы как языковой единицы.

17:30 — Юрий Александрович Клейнер

В оправдание генеративистики: иерархия уровней — иерархия границ

Применительно к пределам слова принято говорить о слоговых и морфемных границах и — при несовпадении тех и других — о границах между фонемами. Характер и статус

границ задается структурой языка, ср. чередование «глухой → звонкий» в /gazbank/ *госбанк*, в отличие от /gosbank/, без озвончения и редукции, что предполагает «второстепенное ударение» и границу, иную, чем морфемный шов в обеих формах. Сохранение звонкого согласного перед конечным глухим в [jazf] *язв* может объясняться спецификой межфонемного стыка, что позволяет говорить об иерархии границ в связи с различными уровнями сегментации.

18:00 — перерыв

18:15 — Наталия Дмитриевна Светозарова

Деятельность фонетических институтов Петербурга — Петрограда — Ленинграда в 1900–1930 гг.

В докладе, посвященном истории фонетики в Петербурге — Петрограде — Ленинграде, особое внимание уделяется тем организациям 1900–1930 гг. (институтам, школам, лабораториям), которые сыграли чрезвычайно важную роль в развитии различных аспектов науки о звуковом строе языка и популяризации фонетики, но оказались недооценёнными и практически забытыми.

18:45 — Алексей Викторович Андронов

Терминологическая система П. Гарда (из опыта составления указателя к книге «Ударение», СПб., 2016)

Книга П. Гарда представляет общую теорию акцентологии, значит, и согласованную систему понятий, необходимых для описания данного раздела супraseгментной области фонологического компонента языка. Эта система, в книге разворачивающаяся в соответствии с логикой изложения, при работе над предметным указателем должна быть представлена в виде иерархической структуры, что позволяет обратить внимание как на некоторые общие вопросы употребления терминов, так и на отдельные частные интерпретации языковых фактов.

19:15 — Наталья Михайловна Заика

Акцентологическая система старосулетинского диалекта баскского языка

В докладе рассматриваются особенности старосулетинского диалекта баскского языка, который по ряду параметров отличается от современного сулетинского. В частности, анализируются акцентологические характеристики морфем (акцентологически сильные, акцентологически слабые, экстраметрические), от которых зависит постановка ударения в словоформе. Привлекается внимание к нарушению принципа *Strict Layer Hypothesis*, проявляющемуся в том, что отдельные слоги могут входить в состав одновременно нескольких просодических слов.

19:45 — Мария Леонидовна Каленчук

О новых пограничных сигналах в русском языке

Известно, что под пограничными сигналами понимают способы обозначения границ между значимыми единицами языка с помощью фонетических средств. При этом межморфемный и межсловесный шов могут обозначаться разными способами: 1) особой реализацией фонем на стыках по сравнению с позицией середины морфемы; 2) появлением сочетаний звуков, в принципе невозможных внутри морфемы; 3) указанием на «отдельность» той или иной морфемы. Развитие звукового строя языка привело к появлению новых делимитативных сигналов всех указанных типов.

20:15 — общая дискуссия

Алексей Викторович Андронов
Санкт-Петербургский государственный университет

**Терминологическая система П. Гарда
(из опыта составления указателя
к книге «Ударение», СПб., 2016)**

...дело не в термине, а в понимании, но термин
зачастую является хорошим „memento“
Л. В. Щерба, Русские гласные... СПб., 1912, с 8

Общая теория акцентологии П. Гарда использует как общелингвистические понятия (оппозиция, дифференциальный признак, чередование, морфема, слово, фонема, слог и др.), так и собственно-акцентологические (акцентологическая система, акцентные константы и переменные, акцентное единство и единица, акцентные средства, акцентогенность, клитика, акцентные свойства морфем, мора и др.). В докладе делается попытка представить терминологическую систему П. Гарда в виде иерархической структуры, что позволяет обратить внимание как на некоторые общие вопросы употребления терминов, так и на отдельные частные интерпретации языковых фактов.

Важной чертой концепции П. Гарда является последовательное различие фонологического (функционального) и фонетического (инструментального) анализа, предполагающего употребление соотносительных пар терминов: признак vs. характеристика, супрасегментный vs. просодический, долгота (количество) vs. длительность и т. п.

Настаивая на принципиальной важности различения отношений оппозиции (в парадигматике) и контраста (в синтагматике), П. Гард соответственно различает два типа признаков сегментных фонологических единиц: оппозитивные (традиционно, «дифференциальные») и контрастивные (в частности, акцентные, шире — супрасегментные).

Различия между сегментными фонологическими единицами, обеспечивающие их необходимое количество в языке, могут создаваться отношениями оппозиции или контраста между их элементами. При этом, если минимальные сегментные единицы (фонемы в фонемных языках и слоги в слоговых языках) существуют

«сами по себе», определённые собственной минимальностью, то составные единицы (слоги фонемных языков, фонологические слова и т. д.) наличествуют (или отсутствуют) в системе именно благодаря супрасегментным признакам, создающим их типы. С другой стороны, минимальная сегментная единица имеет только оппозитивные признаки (поэтому таких признаков должно быть достаточно много), в то время как составная единица характеризуется и оппозитивными признаками своих элементов, и контрастивными признаками, принадлежащими ей как целостному единству (поэтому необходимое разнообразие контрастивных признаков меньше).

В свете изложенного П. Гард уточняет понятие слова — промежуточной и не универсальной лингвистической единицы, дающей основу для типологической классификации языков в зависимости от отношений включения или тождества с предельными единицами (морфемой и предложением). Формальный признак слову придают супрасегментные явления (ударение, сингармонизм).

Наталья Михайловна Заика

Санкт-Петербургский государственный университет

Акцентологическая система старосулетинского диалекта баскского языка

Ударение в современном сулетинском диалекте баскского языка подробно описано в ряде работ [Gaminde 1995; Hualde 1999], тогда как старосулетинское ударение исследовалось менее детально, причём иногда данные старосулетинского неправомерно объединялись с данными современного сулетинского [Reillen 1998]. Данное положение отчасти объясняется ограниченным количеством баскских акцентуированных памятников. Мы рассмотрим один из них — Евангелие от Матфея [Inchauspe 1856].

В современном сулетинском морфемы делятся на акцентологически сильные и слабые. При отсутствии акцентологически сильной морфемы словесное ударение падает на предпоследний

слог словоформы (*mithíl-a* ‘слуга-DEF.SG’, *mithil-á-en* ‘слуга-DEF.SG-GEN’), при наличии — на первую акцентологически сильную морфему (*mithil-é-z* ‘слуга-DEF.PL-INS’) [Hualde 1999: 979].

Идиолект изучаемого памятника отличается рядом особенностей. Так, при наличии в словоформе двух акцентологически сильных морфем, ударение может падать как на первую, так и на вторую из них, таким образом, приводя к вариативности форм (*háurr-en* vs. *haurr-én* ‘ребенок-GEN[DEF.PL]’). Кроме того, ряд морфем ведет себя как экстраметрические: ударение в словоформах, содержащих данные морфемы, падает не на предпоследний, а на третий от конца слог (*baztérr-a-ren* ‘угол-DEF.SG-GEN’).

Одной из особенностей исследуемого диалекта является нарушение принципа Strict Layer Hypothesis [Selkirk 1984], предполагающего, что просодическая иерархия может быть представлена в виде древовидной структуры, в которой единица более низкого уровня является составляющей лишь одной единицы более высокого уровня. Так, близкое по функции к неопределенному артиклю числительное *bat* ‘один’ в старосулетинском является постпозитивной клитикой (ср. *guízoun* ‘человек’ vs. *guizoún bat* ‘один человек’). Однако анализируемое числительное может склоняться и, состоя из акцентологически слабых морфем, получает ударение на предпоследний слог (*bát-en* ‘один-GEN’). В косвенных падежах *bat* в составе именных групп входит одновременно в состав двух просодических слов ([*guizoún [bát]-en*] ‘человек один-GEN’), что противоречит рассматриваемому принципу.

Литература

- Gaminde 1995 — I. Gaminde. Zubereraren azentuaz // Uztaro 13, 1995, 107–128.
- Hualde 1999 — J. I. Hualde. Basque accentuation // Word Prosodic Systems in the Languages of Europe / Ed. by H. van der Hulst. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. — P. 947–993.
- Peillen 1998 — Tx. Peillen. Urrüstói, Atharrátze, Líginàga edo zubereraren egiazko doiñuez // Antoine d’Abbadie 1897–1997. Congrès International. (Hendaye, 1997). Donostia: Eusko Ikaskuntza; Bilbao: Euskaltzaindia, 1998. — P. 453–472.

Selkirk 1984 — E. Selkirk. Phonology and Syntax. The Relation between Sound and Structure. Cambridge, Ma.: MIT Press. 1984.

Источники

Inchauspe E. Jesus-Kristen Ebanjelio Saintia. Zuberouco uscaralat utzuliric, Bayonne: A. Lamaignère, 1856.

Мария Леонидовна Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

О новых пограничных сигналах в русском языке

Известно, что под пограничными сигналами понимают способы обозначения границ между значимыми единицами языка с помощью фонетических средств. При этом межморфемный и межсловесный шов могут обозначаться разными способами: 1) особой реализацией фонем на стыках по сравнению с позицией середины морфемы (*горо*[т#н]овый, но *пригоро*[дн]ый); 2) появлением сочетаний звуков, в принципе невозможных внутри морфемы (*сы*[п'#c']юда при невозможности сочетания [п'с'] внутри морфемы); 3) указанием на «отдельность» той или иной морфемы, что является пограничным сигналом особого рода — о своей грамматической самостоятельности фонетическими средствами сигнализируют составные части единого фонетического слова (первые компоненты сложных и сложносокращенных слов, приставки, клитики разных типов).

Необходимо не только фиксировать любые проявления сандхиальных явлений, но и выявлять их динамику и значимость в звучащей системе русского литературного языка. В середине XX века М. В. Панов писал: «В нашу эпоху усиливается роль пограничных сигналов» [Панов 1968]. В 90-е годы XX века анализ орфоэпической ситуации показывал уменьшение количества сигналов границ и снижение их функциональной значимости, так как все чаще внутриморфемные и сандхиальные закономерности совпадали, нейтрализовались [Каленчук 1993]. Сейчас, спустя четверть века, можно утверждать, что развитие звукового строя языка привело к появлению новых делимитативных сигналов всех указанных выше типов: например, на морфемных швах ста-

ли возможны сочетания глухого шумного и звонкого шумного согласного при просодической выделенности первого компонента (*ва́[ш#б]рат*; *хо́[сб]юрократия*), на ощутимых для носителя языка швах произносятся сочетания зубного с переднеязычным (*бе[з#ж]ировки*, *ра[сш]уметься*), произнесение в приставках и первых частях композитов качественно нередуцированных безударных гласных распространяется все шире (*д[о]обеденный*, *п[о]слезавтра*, *б[’э]локаменный* и мн. др.

Вадим Борисович Касевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Логика фонологии

Проблемы, обсуждаемые в докладе, многократно анализировались в литературе. Здесь предлагается обратить внимание на логическую природу соответствующих теоретико-фонологических решений.

В абсолютном большинстве языков в системе консонантизма присутствуют сонанты, и лишь в немногих из них (напр., в языке мизо) оппозиция «глухие/звонкие» распространяется на сонорные (сонанты). Возникает проблема фонологической квалификации сонантов в отсутствие фонологически глухих сонантов. Одно из известных решений заключается в том, что применительно к тем языкам, где имеются сонанты, причём глухих сонантов нет, следует говорить, что сонанты являются нейтральными с точки зрения дифференциального признака «звонкость/глухость». В фонологических матрицах (если выбран этот способ представления системы) в соответствующих клетках проставляются нули.

Другое решение опирается на то обстоятельство, что признак «глухие/звонкие» в системе представлен (или, иначе, признак «звонкие/глухие» в соответствующем языке фонологизирован). Предполагается, что поскольку это так, везде, где мы встречаем корреляты звонкости/глухости, фонологическое решение должно опираться на природу коррелятов, коль скоро они включены в фонологические отношения в данной системе. Такое

решение «идеологически» близко школе Щербы. Заметим, что сходный подход имплицитно присутствует и там, где Щерба анализирует части речи в русском языке.

Третье из возможных (и реально представленных в литературе) решений основано на правилах фонотактики, как они фиксированы в русском и многих других языках. В русском языке по правилам фонотактики звонкие несонорные вызывают ассимиляцию по признаку наличия/отсутствия голоса, ср. *рассыпать* (а не *разсыпать*), *подбирать* (а не *потбирать*) и т. п. На сонанты эти правила не распространяются, ср. *слить* ~ *злить*, *адмирал* ~ *отмирал* и т. п. Следовательно, сонант не «навязывает», в отличие от несонорного, свою звонкость соседнему согласному, по той причине, что сам он этим признаком не обладает, не являясь фонологически звонким.

Таким образом, принимая разные исходные позиции, избирая ту или иную логику, мы приходим к разным представлениям относительно фонологической системы языка. Допуская использование трёхзначной логики, мы получаем подкласс согласных, нейтральных с точки зрения дифференциального признака «звонкость/глухость». Ограничивая анализ рамками двузначной логики, мы получаем два возможных теоретических решения, противопоставленных друг другу. Именно потому, что мы здесь пользуемся двузначной логикой, между решениями необходимо выбирать. Выбор может основываться на том, что неоднозначный результат получен при разных отправных позициях, но это не единственный путь для снятия неопределённости результатов анализа, что предполагает дальнейшее исследование.

Ещё одна модельная ситуация — сегментация как предварительный этап фонологического анализа. Понятно, что относительная лёгкость (трудность) фонологической функциональной сегментации с опорой на морфологические границы в немалой степени зависит от морфологического типа исследуемого языка. В тех языках, где формо- и словообразование в той или иной степени обеднены, приходится использовать косвенное отражение морфологических границ, чтобы, отправляясь от них, выявить границы фонологические. На авансцену здесь выдвигаются морфологизованные чередования типа англ. *sing* ~ *sang* ~ *sung*, *spit* ~ *spat* и т. п.

Следует признать, что чередования такого рода логически не дают оснований для уверенной сегментации текста на фонемы. Проведение границ, где вычленились бы фонемы (потенциальные фонемы) типа *-ing*, *-it* и т. п. (тем более, что аналоги имеются в слоговых и типологически близких к ним языках), с точки зрения логики достаточно последовательно. По-видимому, единственный выход — постулировать интуитивно приемлемый вариант сегментации и проверить его «по результату». Иначе говоря, следует обратиться к гипотетико-дедуктивному методу анализа. При выборе варианта, о котором говорилось выше, значительную помощь окажут и типологические соображения. Конечно, это во многом историческая случайность, что именно китайская традиционная филология выработала так называемые правила *фаньце* (где для чтения незнакомого иероглифа указывали на два знакомых — с инициалью, равной инициали первого слога, и тонированной финалью, равной финали второго). Но не случайно, что все такого рода правила в слоговых языках указывают на границу между инициалью (начальным согласным) и финалью («остальной» частью слога).

С логической точки зрения изложенное означает, что разные фонологические решения могут иметь неодинаковую надёжность, в разной степени быть подверженными фальсификации (в смысле Поппера). Возможно, это может как-то сказываться в истории языков; достаточно велика и вероятность экспериментального подтверждения собственно фонологических теорий.

Юрий Александрович Клейнер
Санкт-Петербургский государственный университет

В оправдание генеративистики: иерархия уровней — иерархия границ

Символ *X* в генеративистской записи обозначает «any sequence of zero or more vowels, consonants and/or boundaries, which may not include word boundary unless specifically noted» [Halle & Kayser 1971: 5]. Границы, упоминаемые здесь, находятся, таким образом, в пределах слова; иначе говоря, речь может идти только

о слоговых и морфемных границах и — при несовпадении тех и других — о границах между фонемами [Гордина 1968]. Учёт последних необходим, в основном, при описании взаимодействия уровней — фонологического (уровень абстрактных единиц и правил их соединения/сегментации) и фонетического (уровень реализаций) — или, пользуясь генеративистской терминологией, при выведении единицы глубинного уровня на уровень поверхностный (surfacing). Заметим, что в большинстве случаев такие правила задаются изначально самой структурой языка. Так, чередование «глухой → звонкий» перед звонким согласным («озвончение»), например, в /gazbank/ *госбанк*, не нужно специально оговаривать, в отличие от /gosbank/, где отсутствует озвончение, а также редукция, что позволяет говорить о наличии здесь «второстепенного ударения» (Касаткина). Последнее оправдано возможностью здесь противопоставления, например, [не] *частный* [банк] : [а] *гос.* [банк], т. е. появлением дополнительной границы между *гос* и *банк*. Вопрос о соотношении границы и второстепенного ударения, обычно не решаемый в синхронном фонологическом описании в терминах причины и следствия, может возникнуть при решении проблемы взаимодействия уровней, что при генеративном подходе формулируется как их «иерархия». Это предполагает и вопрос об иерархии «границ», равно как и об их природе, поскольку морфологическая граница присутствует как в /gosbank/, так и в /gazbank/. (В противопоставлении «/gos/ : *частный*» речь может идти о словесной границе, хотя — опять же, особого рода.) Более сложная ситуация возникает на границах фонем в формах типа [jazf] *язв*, где сохранение звонкого согласного перед конечным глухим принято объяснять специфическими свойствами последнего. Однако, учитывая возможное «оглушение» в предконечной позиции ([jasf]), звонкий согласный в [jazf] может трактоваться, исходя из специфики позиционных условий: /z/ не находится в непосредственном контакте с конечным глухим, что позволяет говорить об особом характере межфонемной границы.

Еще раз о критериях синтагматической идентификации фонемы

Критерий, которым ЩФШ руководствуется при определении моно- и бифонемности звуковых сегментов, базируется на строго функциональном основании: если внутри звукового сегмента в данном языке потенциально возможна одна морфемная граница, этот сегмент является реализацией бифонемного сочетания; и наоборот: если прохождение морфемной границы не возможно, мы имеем дело с одной фонемой. Так, русский гласный [ʔа] (ср. [ʔat] *ад*), характерный в начале синтагмы и на стыках слов после гласного внутри синтагмы, представляет собой одну фонему, поскольку внутри [ʔа] (между глоттальной смычкой [ʔ] и [а]), не может проходить морфемный шов. Некоторые фонологи дополнительно опираются и на другую разновидность морфологических фактов — морфологизованные чередования фонем (ср.: «Фонемный статус дифтонгов в английском языке очевиден ввиду наличия многочисленных чередований с простыми гласными: *write* — *wrote* — *written* и т. п.»). Использование чередований фонем для установления моно- и бифонемности не корректно, т. к. в языках широко представлены морфологические чередования, в которых альтернантами являются сочетания фонем, а моно- или бифонемный статус альтернантов на этом этапе исследования собственно и устанавливается. В «Русских гласных...» Щерба высказал важную для его фонологической концепции мысль, что фонемы являются автономными по отношению к морфеме языковыми единицами, и проиллюстрировал её примерами монофонемных морфем: «...элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений; так *л* в словах *пил*, *бил*, *выл*, *дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *а* в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; *у* в словах *корову*, *воду* — с представлением объекта и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений получают известную самостоятельность». Этот знаменитый пассаж послужил источником недоразумения.

Некоторые видные представители ЩФШ интерпретировали его как описание критерия сегментации на фонемы: будто бы в [b'it] бил конечная [t] вычленяется, потому что она составляет план выражения морфемы -л-, [i] — потому что есть союз и или флексия -и, а [b'], которая сама по себе не может выступать как экспонент морфемы, якобы вычленяется на основании остаточной выделяемости. Щерба, который дал в своем высказывании лишь иллюстрацию к положению об автономности фонемы, не вкладывал в него подобного смысла. На этапе синтагматической идентификации фонемы мы не можем пользоваться морфемами, экспоненты которых состоят из одной фонемы, т. к. именно их «монофонемность» и требуется установить на данном этапе исследования. Тем самым установление фонемных границ с помощью остаточной выделяемости лишается содержательной опоры.

Наталия Дмитриевна Светозарова
Санкт-Петербургский государственный университет

**Деятельность фонетических институтов
Петербурга — Петрограда — Ленинграда
в 1900–1930 гг.**

Первые десятилетия XX века, «серебряный век» в русской поэзии и искусстве, с его обострённым вниманием к слову и звуку, с полным правом можно назвать и серебряным, или даже золотым веком фонетики в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Прежде всего, это создание в 1899 году, по инициативе И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. К. Булича, кабинета экспериментальной фонетики при Петербургском университете, которым с 1909 года стал руководить Л. В. Щерба (ныне это Лаборатория экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы при кафедре фонетики Санкт-Петербургского университета). Однако, говоря об истории фонетики в нашем городе, необходимо назвать ещё целый ряд более или менее известных организаций, роль которых для развития разных аспектов фонетики недостаточно изучена. Это Институт Живого Слова, Фонетический институт практиче-

ского изучения языков И. Э. Гиллельсона, Фонетическая школа новых языков при Научно-исследовательском институте сравнительного изучения истории литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском университете, Институт Истории Искусств, Институт Речевой Культуры, Отофонетический институт в составе Петроградского Психоневрологического института. В этих институтах, школах, лабораториях, секциях осуществлялось преподавание фонетики, разрабатывалась методика обучения иностранным языкам по фонетическому методу, велась исследовательская работа, издавались сборники (например, «Русская речь») и журналы. Преподавание фонетики велось на Бестужевских курсах, Курсах иностранных языков Бобрищевой-Пушкиной, в Петербургском учительском институте. Здесь трудились (в силу специфики эпохи нередко одновременно в нескольких местах) Л. В. Щерба, С. К. Боянус, С. И. Бернштейн, Л. П. Якубинский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, М. И. Матусевич, О. Н. Никонова и многие другие учёные, заложившие основы современной науки о звуковом строе языка.